

Есенин Сергей Александрович 408.04

Святой богохульник

Сергей Есенин всю жизнь метался между Христом и «черным человеком»

Независимая - 2004 - 4 авг. - с. 8 (НТ Република)

Инесса Ганина

В последнее время о Сергее Есенине написано очень много, хотя уже не осталось живых свидетелей его короткого, сказочного взлета. Остались мифы о нем, остались его письма, стихи, его взгляд, пробивающийся синевой даже сквозь черно-белое фото начала прошлого века.

Эмоциональный, тонко чувствующий красоту окружающего мира, очень ранимый и вспыльчивый поэт прошел сложный путь к вере.

Дед поэта, Никита Осипович Есенин, в молодости готовился уйти в монастырь, но, прожив холостяком до 28 лет и мечтая более всего о жизни духовной, все-таки женился на шестнадцатилетней Аграфене Артюшиной. К детям и внукам его навсегда пристало прозвище «монахи». «Сергея-монаха» долго считал себя сиротой при живых родителях, которые, живя отдельно друг от друга, отдали мальчика на воспитание деду с бабкой по материнской линии. Позже поэт писал в своей автобиографии: «Помню: лес, большая канавистая дорога. Бабушка идет в Радовецкий монастырь, который от нас верстах в сорока. Я, ухватившись за ее палку, еле волочу от усталости ноги, а бабушка все приговаривает: «Иди, иди, ягодка, Бог счастье даст». Часто собирались у нас дома слепцы, странствующие по селам, пели духовные стихи о прекрасном рае, о Лазаре, о Миколле. Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресным дням он рассказывал мне Библию и священную историю».

Потом мать вернулась в семью, но отчуждение между ней и сыном осталось до конца жизни. Хрестоматийное «Ты жива еще, моя старушка» посвящено не Татьяне Федоровне, матери поэта, а бабушке, выходящей встречать маленького Сережу «в старомодном ветхом шушуне».

По словам местного священника, Сергей был «отмечен Богом». Он был другим, совсем не похожим на рязанских белеших и конопатых мальчишек: хрупкий, синеглазый, не от мира сего. И ранние стихи Сергея Есенина были о любви и о вере.

Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус
Под венком, в кольце иголок
Мне мерещится Иисус.

Сергей заканчивает Константиновское земское училище, затем церковно-приходскую учительскую школу в Спас-Клепиках и перебирается в Москву к отцу. «Я изменился во взглядах, но убеждения те же и еще глубже засели в глубине души...» — писал он в 1913 году своему школьному другу Григорию Панфилову. — Гений для меня человек слова и дела, как Христос. Люди, посмотрите на себя, не из вас ли вышли Христы и не можете ли вы быть Христами. Разве я при воле не могу быть Христом, разве ты тоже не пойдешь на крест, умирать за благо ближнего? Люби и жалея людей и преступников, и подлецов, и лжецов, и страдальцев, и праведников: ты мог и можешь быть любым из них».

Центром литературной жизни России был Петроград. В марте 1915 года Есенин, приехав сюда, встречается с Александром Блоком и читает ему

свои стихи. Появление столь необычного, исконно русского молодого поэта всколыхнуло богемно-поэтический Петроград, и город набросился на него, как обжора на клубнику в январе.

Весной в Петрограде Сергей пишет стихотворение «Город»: Храня завет родных поверий
Питать к греху

стыдливый страх,
Бродил я в каменной пещере,
Как искушаемый монах.
С улыбкой змеиного грешенья
Девичий смех меня манул,
Но я хранил завет крещенья
Плевать с молитвой

в сатану.
Как об ножи стальной
дорогой
Рвались на камнях сапоги,
И я услышал рык от Бога:
«Забудь, что видел, и беги!»

в 1917 году, на смену ему пришли разруха и голод. Многим казалось, что для того, чтобы выжить в этом новом мире, надо отвергнуть мир старый со всеми его устоями и традициями.

«В начале 1918 года я твердо почувствовал, что связь со старым миром порвана, и написал поэму «Инония», на которую было много резких нападок и из-за которой за мной утвердилось кличка хулигана», — вспоминал поэт.

Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплываю изо рта.

Протянусь до незримого
города,
Млечный прокушу покров,
Даже Богу я выциплю бороду
Оскалом моих зубов.

Близким другом Сергея Есенина теперь становится Анатолий Мариенгоф, язвительно-циничный поэт-денди, выходец из дворянской семьи, атеист, поклоняющийся только искусству. Вместе с Есениным они становятся «отцами-основателями» нового литературного направления — имажинизма (от image — образ). Казалось, что поэтические поиски уведут поэта все дальше и дальше от его православного деревенского детства. Внешне Сергей часто оказывается в тени великолепного Мариенгофа: они носят одинаковые костюмы, бабочки, трости, оба эпатажируют публику невероятными выходками, среди которых — роспись стен Страстного монастыря богохульными четверостишиями:

«Вот они, новые Иуды!» — воскликнул Есенин.

Нет ничего удивительного в том, что поэт в период революции и Гражданской войны отошел от веры. Атмосфера той эпохи была перенасыщена нетерпимостью и насилием, борьба шла не только на фронтах, но и в душах людей. Для того чтобы выжить в те страшные годы, надо было уметь меняться. Есенин умел. Но, как истинный талант, он не мог лицемерить, и его желание «задрать штаны бежать за комсомолом» было таким же искренним, как ранние стихи о Христе и Богородице. Имажинизм занял в его душе место религии, он молился теперь не на образа, а на поэтический образ.

В 1921 году в Москву по приглашению советского правительства приезжает американская танцовщица Айседора Дункан. 3 октября на вечере у художника Якулова она встречается с Сергеем Есениным, и в мае 1922 года роман заканчивается свадьбой. Чета Дункан-Есениных вылетает первым авиарейсом в Кенигсберг, посещает Берлин, Париж, Брюссель, Венецию и 1 октября прибывает в США.

Есенину никогда и нигде не было так тоскливо и одиноко, как в этой заграничной поездке. Для американской прессы он был всего лишь молодым мужем великой Айседоры. Здесь никому не нужны были стихи Есенина, зато всех интересовала его личная жизнь со «старухой» (Айседора была старше на 17 лет) и, самое главное, непрекращающиеся скандалы между ними и вокруг них. Основательница своей собст-

венной школы танца не верила ни в Бога, ни в черта. «Вот мой бог!» — смеялась Айседора, указывая рукой на постель. Этот бог был насмешкой над глубоким внутренним поэтическим мироощущением Сергея Есенина, и в качестве протеста он все чаще предпочитал алкоголь.

Есенин все сильнее тосковал и рвался в Россию. В разгромленных номерах отелей, среди осколков роскошных зеркал впервые перед ним появляется «черный человек». Трагическая поэма с этим названием воплотила в себе все страхи и сомнения поэта, его разочарование в революции, от которой, как писал Есенин, «теперь остались только хрен да трубка».

7 августа 1923 года Есенин наконец возвращается в Москву. На первом же публичном выступлении он читает отрывки из поэмы «Страна негодяев», где сатирически высказывается о Троцком, о советской власти и идеализирует Махно. Этого ему не простили, как не простили и анти-советских высказываний за границей. Началась настоящая травля: статьи об «упадничестве», подписка о невыезде, показательный суд и заведение уголовных дел. Нервы поэта находятся на пределе, и все-таки он остается самим собой: «Моя политика — это мои стихи».

В апреле 1925 года в газете «Беднота» появляется поэма «Новый завет от Демьяна Бедного» — удивительно циничное творение, ставшее литературным «прообразом» антихристианской поэмы Ивана Бездомного из «Мастера и Маргариты».

Уже через месяц в ответ появились есенинские строки, которые ходили по Москве в списках: «Послание евангелисту Демьяну».

Ты сгустки крови у креста
Копнул ноздрей, как
толстый боров.
Ты только хрюкнул
на Христа,

Ефим Лакевич Придворов.

Интересна история этого знаменитого стихотворения: много лет литературоведы не могли с уверенностью утверждать, что его написал именно Есенин, но в 1999 году петербургский ученый Михаил Эльзон обнаружил рукопись «Послания», и сейчас можно сказать, что именно Есенин оказался чуть ли не единственным защитником Христа.

Сестра поэта вспоминала, что к концу жизни поэт вновь стал молиться, возил с собой Библию и распятие. Он почувствовал свою близкую гибель. И последние стихи и поэма «Черный человек» кричали об ужасе приближающегося конца. Его не услышали или сделали вид, что не слышат. «Черный человек» был истолкован как пьяный бред окончательно опустившегося поэта, которому было не по пути с новой жизнью.

Была ли смерть Есенина убийством или самоубийством (исследователи жизни поэта до сих пор выдвигают различные версии), несомненно одно: воинствующий атеизм, ставший религией тоталитарного государства, не смог заменить Есенину детскую веру в Богородицу и Христа: впитанное с молоком матери оказалось сильнее богоборческого духа эпохи 1920-х годов.

Сестра поэта вспоминала, что к концу жизни поэт вновь стал молиться, возил с собой Библию и распятие

Он так и не убежал от Петрограда. Здесь у него появились покровители, друзья, появился и учитель — поэт Николай Клюев. Язык Клюева, красочный, полный меткими, народными выражениями, его олонецкий говорок, да и весь облик «смирного Миколы» производил неизгладимое впечатление на завсегдатаев петербургских салонов, которые в преддверии войны увлеклись модными идеями панславизма.

Но весь этот мир, казавшийся неизбежным, рухнул и исчез

Теперь Есенин уже не хотел страдания, смирения и сораспятия. Он видел для себя новый путь, предчувствовал в себе огромную силу «лучшего в России поэта», преемника Пушкина, перу которого принадлежали, кстати, и богоборческие строки. Есенин искренне примкнул к большевикам, он не был проходным, не продавал себя. От революции он ждал осуществления русской крестьянской мечты об идеальном, святом мужицком царстве.

Вот они, толстые ляжки
Этой похабной стены.
Здесь по ночам монашки
Снимали с Христа штаны.

Один из членов группы имажинистов писатель Матвей Ройзман вспоминал, как «Есенин рассказал о том, как красноармейцы попросили в каком-то мужском монастыре приюта для своих раненых и обмороженных товарищей. Монахи приняли их, потом выдали белогвардейцам да еще сами принимали участие в умерщвлении наших воинов».

